

ТЕЗИСЫ К ДОКЛАДАМ

Юрий Владимирович Оспенников

2023-й год показал, что основные направления деятельности Барсовского общества, имеющие в своей основе конкретные исследовательские проблемы, были определены верно, работа над ними продолжалась. При этом следует не только обобщать полученные результаты, но и особое внимание уделять критике отдельных ключевых тем и подходов к их разработке. Отдельные направления исследовательской деятельности и ключевые темы выделяются с большой долей условности, поскольку они переплетаются между собой, находя проявление при рассмотрении самых разных вопросов.

В докладе раскрываются качественные изменения в таких направлениях деятельности Общества как организационное и методологическое. Последнее включает в себя работу над точной и выверенной методологической позицией при проведении конкретных исследований и в рамках идущих дискуссий, а также работу с терминологическим аппаратом. Сфера церковного права насыщена терминами, которые на данный момент не только не имеют единого понимания, но их определения не предполагают выявления сущностных признаков, т. е. не позволяют отличить явление, о котором идёт речь, от других явлений. Рассмотрена дискуссия относительно нескольких актуальных терминологических конструкций.

В качестве отдельного блока материала рассматриваются некоторые ключевые темы. Понятие «ключевые» предполагает, что к данным проблемам участники мероприятий Барсовского общества приходят при обсуждении самых разных вопросов. К их числу относятся проблема определения правового положения духовенства, проблема архаизмов церковного права, проблема систематизации источников церковного права, проблема преподавания церковного права, «женский вопрос» и др.

***

Протоиерей Александр Владимирович Задорнов

Согласно действующему каноническому Уставу Русской Православной Церкви, «Русская Православная Церковь, при уважении и соблюдении существующих в каждом государстве законов, осуществляет свою деятельность на основе: а) Священного Писания и Священного Предания». Тем самым постулируется присутствие среди церковно-правовых источников элементов Божественного права, зафиксированных в Священном Писании в качестве одного из проявлений Божественной воли церковного законодателя. К сожалению, мысль Православной Церкви не сделала понятие Божественного права предметом рефлексии в рамках философии канонического права в том должном объёме, который бы позволил отметить содержательное единство этого понятия с иными источниками канонического права, а также отметить разницу в понимании Божественного права в классической схоластике и современной канонике Римско-Католической Церкви (примеры того и другого приведены в докладе). Автором доклада предлагается рассмотрение Божественного права как единства онтологии, гносеологии и аксиологии канонического права. Для этого, в частности, необходимо рассмотреть такие аспекты проблемы как присутствие в Божественном праве самого понятия правовой нормы, соотношение объекта и субъекта Божественного права, а также взаимодействие Божественного и позитивного права.

***

Дмитрий Алексеевич Пашенцев

В период Российской империи Церковь фактически являлась частью государственного аппарата и в этом качестве выполняла важные государственные функции, в том числе в сфере общественного призрения. В этот период отсутствие всеобщей системы социального обеспечения правительство пыталось восполнить развитием благотворительности, как

общественной, так и частной. Церковь являлась одним из крупнейших благотворителей, опираясь в этой деятельности на исконные традиции христианского милосердия. Церковная благотворительность осуществлялась на трех уровнях: приходском, епархиальном, общегосударственном. Отдельно можно выделить благотворительную деятельность монастырей. На приходском уровне важное значение для развития благотворительности имели нормы «Положения о приходских попечительствах при православных церквях» от 2 августа 1864 г. Церковная благотворительность, как и благотворительная деятельность в целом, не могла полностью решить острых социальных проблем российского дореволюционного общества. В то же время, удавалось помочь многим нуждавшимся. Кроме того, участие прихожан в благотворении способствовало сохранению и воспроизводству лучших православных традиций. При этом, развитие церковной благотворительности сдерживалось пробелами в существовавшем правовом регулировании.

***

Ярослав Борисович Жолобов

В докладе рассматривается ситуация в системе российского правосудия после 16 августа 2000 г., когда Архиерейский Собор принял ныне действующий Устав Русской Православной Церкви, VII глава которого воссоздала церковные суды, существовавшие в России до 1917 г. Целью работы является анализ такого понятия как «единство судебной системы страны». Актуальность темы состоит в том, что партнёрские государственно-конфессиональные отношения требуют признания наравне с государственными судами церковных (религиозных) судов, поскольку не все вопросы церковной жизни могут быть рассмотрены со светских позиций. Новизна состоит в сопоставлении ситуации, существовавшей в России в начале XX и в начале XXI вв. Делается вывод о необходимости признания единства правового пространства страны, обеспечивающего не только поступательно развивающееся правосудие, но и правоприменения.

***

Александра Андреевна Дорская

Целью доклада является реконструкция становления и развития понятия «правовая система» под воздействием церковного права. Актуальность темы обусловлена теми дискуссиями в юриспруденции, которые вызывает использование термина «правовая система», понимаемого и как правовая семья, и как синоним системы права, и как международный правопорядок. Новизна состоит в рассмотрении эволюции церковного права в контексте различных правовых школ: исторической и социологической теорий права, а также позитивизма. Особое внимание уделено концепции общественного права, в рамках которой церковное право стало рассматриваться как особая правовая система. Методология исследования строится на применении как общенаучных (дескриптивный, анализ, синтез, диалектический, хронологический методы и т. д.), так и специальных методах юридического исследования (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования и другие). Выводы состоят в выявлении той роли, которую сыграло церковное право в становлении и развитии понятия «правовая система» как в России, так и зарубежом.

***

Павел Иванович Гайденко

Нормативно-правовая система любой организации включена в иерархию законов и нормативно-правовых актов государства, в рамках которого она существует и действует. При этом действующие в Русской Православной Церкви нормы и правила не являются исключением. Подобно иным религиозным организациям, Церковь при организации своей деятельности основывается на законодательстве России (в данном случае считаю важным

ограничиться деятельностью церковных организаций в границах нашей страны), прежде всего закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», иных законов, а также в соответствии с каноническо-правовыми нормами, выработанными на протяжении всей истории своей деятельности. Иерархия законов и норм позволяет не только устанавливать приоритетность применения тех или иных положений, правил и требований, видеть внутреннюю взаимообусловленность правовой структуры, обеспечивающей деятельность организации, но и устанавливать юридическую силу применяемых норм. Помимо отмеченного, иерархия нормативно-правовой системы устанавливает принцип верховенства одних законов и взаимоподчинённости других законов и норм. В итоге присутствие иерархии законов и правовых норм обеспечивает поддержание стройного порядка и устойчивой стабильности правового поля не только государств, но и организаций. Однако насколько корпус законов и каноническо-правовых норм, на основании которых действует Церковь, строен и иерархичен?

Вопрос иерархии законодательных и правовых актов, включая канонические нормы, оговаривается в Уставе Русской Православной Церкви. Более детально этот вопрос рассматривается в Положении о церковном суде. Однако положения, содержащиеся в этих актах, находятся в некотором противоречии между собой. Более того, в документах Церкви плохо оговорена иерархия иных документов (Постановлений Синода, патриарших и иных Указов, других актов, действие которых имеет юридическую силу). Также неразрешённой видится проблема включенности церковно-правовых актов в иерархию законов и правовых актов России. Не меньшую трудность представляет проблема законности использования бескрайнего корпуса церковных и канонических норм, доставшихся Церкви от Византии, Древней Руси, Российской империи и советского времени, при условии, что они по сей день не систематизированы. Наконец, последний вопрос: как вписывается в эту иерархию каноническо-правовых норм благословение?..

***

Александр Анатольевич Хохлов

Законность — один из ключевых правовых принципов, при котором лица, вовлеченные в реализацию правовой системы, строго и неукоснительно соблюдают ее нормы. Принцип законности утилитарен по своей сути и его применение гарантирует эффективное функционирование социального организма. Иными словами, принцип законности — это «власть закона» в самом широком спектре правоотношений. Однако его конкретное содержание представляет собой проблему даже для светской юридической науки, в которой до сих пор нет общепринятого подхода к раскрытию данного вопроса. Не вызывает сомнения, что принцип законности актуален и для церковных правоотношений. Между тем в действующем сегодня Положении о церковном суде принцип законности отражения не находит, равно как и ряд других важнейших принципов, в совокупности обеспечивающих состоятельность церковного правосудия. В связи с этим представляется вполне своевременным анализ понимания, места и роли принципа законности в контексте современной практики церковного судопроизводства. В качестве методов исследования целесообразны как общенаучные (формально-логический, исторический и системный), так и частнонаучные (формально-юридический, сравнительного правоведения и правового прогнозирования).

***

Ирина Александровна Шершнева-Цитильская

Одним из главных признаков права выступает его системность как соразмерность и упорядоченность элементов, составляющих право. Изучение указанного признака осуществляется профессиональным юридическим сообществом, которое в рамках господствующего правового сознания, профессионального (доктринального) юридического мышления вырабатывает представление о системе права, сложившейся в

определенный исторический промежуток времени в рамках конкретного общества и государства. Цель доклада видится в освещении проблем исследования догматических оснований системы канонического права как свода внутренних норм Церкви. Для достижения указанной цели в докладе применяется формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования, позволяющие сопоставить системы канонического права, сложившиеся в рамках православия на примере Русской Православной Церкви и канонического права Католической Церкви, а также провести сравнение доктрин, сложившихся в отечественной канонистике и легистике относительно представлений о системе права в российской правовой традиции.

Объектом исследования выступает система канонического права как правовая конструкция, предметом — представления, сложившиеся в отечественной канонистике и легистике о системе права в целом и каноническом праве в частности. В докладе рассматривается тезис о рецепции системы канонического права из опыта Католической Церкви, а также тезис о неразработанности в отечественной канонистике учения о системе канонического права, отсутствии специализированных работ по этому направлению, в том числе причин, породивших такое состояние отечественной доктрины по данному вопросу. В центре доклада — изучение вопроса о возможности распространения на каноническое право доктринальных представлений о внутреннем строении права, выработанных школой отечественной легистики, в том числе и по вопросу создания учения о системе канонического права Русской Православной Церкви на современном этапе.

***

Игорь Александрович Пибает

Канонические нормы Православной Церкви закрепляют необходимость проверять лиц, поступающих на священническое служение, отдельные нормы определяют пространственные пределы полномочий епископа в отношении клириков. Апостол Павел в своем послании к Тимофею подчеркивал, чтобы епископ не возлагал поспешно рук ни на кого (1 Тим 5:22). Вместе с тем канонические правила не определяют ответственность епископа за то, что им был поставлен в клирики недостойный человек. Целью исследования стал сравнительный анализ существующих механизмов привлечения епископа за деяния подчиненных ему священнослужителей в России и за рубежом.

Проанализированная судебная практика показывает, что в России о каком бы тяжком деянии, совершенном клириком, не шла речь, ни светские, ни церковные суды не поднимают вопрос о возможной ответственности епископа за рукоположение священнослужителя.

В других странах (США, Канада, Великобритания, Австралия и др.) светские суды пришли к выводу о возможности применения субсидиарной ответственности епископа за деяния священников в делах о насилии над несовершеннолетними. В частности, прецедентное право установило два критерия. Во-первых, потерпевшие сначала должны доказать, что священник был служащим Церкви. Верховный суд Канады в деле «Джона Доу против Беннета» и Апелляционный суд Соединенного Королевства в деле «JGE против епархии Портсмута» постановили, что несмотря на отсутствие трудового договора между священником и Церковью, их отношения являются «подобным трудовым», что достаточно для привлечения к субсидиарной ответственности Церкви. Во-вторых, нужно установить, ожидал ли работодатель, что нападавший установит психологическую близость с людьми, находящимися под его контролем; является ли злоупотребление проявлением присущих организации рисков. На наличие тесной связи влияет, по мнению судов, тот факт, что епископ существенно увеличивает риск такого поведения, наделяя священника властью.

Финансирование: Научное исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-78-01013 по результатам конкурса 2023 года «Проведение инициативных исследований молодыми учеными», проведенного в рамках Президентской

программы исследовательских проектов, реализуемых ведущими учёными, в том числе молодыми учёными. <https://rscf.ru/project/23-78-01013/>

***

Александр Александрович Лушников

В ряде памятников церковного права на Руси фиксируются наказания для священников, которые совершают или поддерживают ряд деяний, которые относятся авторами текстов к «языческому». Примечательно, что если в Номоканоне подчеркивалась невозможность поставления в пресвитеры «новокрещенного», то по тексту первого известного вопрошания («Канонических ответов митрополита Георгия» XI в.) «поганское» прошлое священника не имело большого значения, за сотворение какого-либо греха «в поганстве» не полагалась епитимья, а в «Заповеди к исповедающимся сыном и дочерем» такой человек, если только ранее не совершал душегубства, мог стать попом, при этом указания на обязательные временные промежутки после крещения, как в Кормчей, нет. Иначе дело обстоит после принятия сана. В тех же «Канонических ответах Георгия» читаем, что попу «не пети», если он «творит блуд», причем эта фраза допускает самые широкие толкования. С XIII в. в источниках наблюдается все большее выделение отдельных наказаний за конкретные «языческие действия» для священников. Особое значение здесь имеют Правила Владимирского Собора 1274 г. Очевидно более строгой стала процедура разыскания о «моральном облике» будущих пресвитеров, — о самой возможности «языческого прошлого» уже не упоминается, наоборот, предполагается широкое испытание, в т. ч. разыскание, не «чародеец» ли кандидат. Наличие такого требования едва ли тривиально, так, в Новгородской Кормчей 1280 г. содержится специальное указание об изготавливающих «наузы» от «священническаго чину», причем последние отлучались от Церкви. Другим распространенным «сюжетом» с таким же суровым наказанием стало участие в «трапезах Роду и рожаницам», которые, судя по объему и содержанию источников, могли обозначать разные действия и едва ли рассматривались всеми священниками как нечто запретное.

Вероятно, наличие специальных наказаний за «языческие дела» священников связано как с расширением перечня подсудных деяний, ранее не всегда рассматривавшихся священниками в качестве отклонения от нормы, так и стремлением Церкви к усилению внутренней дисциплины.

***

Ольга Александровна Илюхина

Накануне Поместного Собора 1917–1918 гг. общественное признание получил проект главы «О вере» для новой конституции, подготовленный профессором Донского университета П. В. Верховским весной 1917 г. Ключевым юридическим понятием, описывавшим организационно-правовую форму юридических лиц конфессий, было «корпорация публичного права». Цель исследования — реконструкция актуального для автора и современников значение этого термина и механизма рецепции церковным сообществом достижений юридической науки.

Новизну определяет методологический подход. Автором были применены методы Кембриджской школы «интеллектуальной истории», предполагающей, что не существует универсальных и, в этом смысле, внеисторических понятий и идей: каждое из них рождается и значимо в определенной «интеллектуальной среде».

Изучение вопроса о свободе совести и юридическом статусе Русской Православной Церкви в начале XX в. выявляет высокую заинтересованность в его разработке профессоров и преподавателей прежде всего Московского университета: П. И. Новгородцева, С. А. Котляревского, С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, В. О. Ключевского, а также защитившего здесь докторскую диссертацию в 1917 г. профессора Донского университета П. В. Верховского.

Именно университетские профессора разработали в этот период правовые концепции, описывавшие юридический статус Церкви: они развивались в контексте актуального течения в науке — «возрождения естественного права». Независимая и равная юридически государству Церковь, по мысли юристов, могла стать гарантом нравственности государственных законов. Это важное общественное значение Церкви, ответственное членство верующих в ней и было выражено в формуле «корпорация публичного права». Активная общественная работа профессоров, выразившаяся в их включенности в проекты церковных, общественных и государственных институции, обеспечила рецепцию церковным сообществом научных достижений и задавала дискурс для обсуждения правового статуса Церкви на Всероссийском Поместном соборе 1917–1918 гг.

***

Татьяна Анатольевна Долгополова

В современных условиях турбулентности правовых установок, политических идей, морально-этических основ представляется весьма важным рассмотреть переломные этапы в развитии европейской цивилизации на рубеже XIV–XV вв. Политические и правовые основы взаимодействия государственной власти и Католической Церкви в европейских монархиях подвергались значительным испытаниям и переживали глубокий кризис. Становление европейских наций с экономической и правовой позиций предвосхищало укрепление светской власти в XVI в. и реформирование Церкви в рамках отдельных государств будущей Реформацией.

Оценивая комплекс церковных реформ, подготовленных участниками Констанцкого Собора и поддержанных папой Мартином V, современные исследователи отмечают, что представителям соборных наций (французской, английской, немецкой, испанской, итальянской, чешской) удалось добиться от Святого престола многочисленных принципиальных уступок, благодаря которым административная и финансовая зависимость национальных Церквей от папской курии оказалась ослаблена.

Однако успех наций во многом был обусловлен слабостью папской курии, не имевшей ресурсов для защиты собственных привилегий. Если в годы понтификата Мартина V утвержденные на Констанцком Соборе реформы и достигнутые договоренности по большей части признавались и исполнялись, то по мере укрепления власти пап в XV в. многие реформы либо официально отменялись в папских декретах, либо не реализовывались на практике. Разработанный сторонниками фундаментальных церковных реформ комплекс предложений, касавшихся повышения нравственного и образовательного уровня католического духовенства и устранения негативных явлений повседневной церковной жизни, был проигнорирован основной массой участников Констанцкого Собора. Тем самым оказалась упущена возможность укрепить авторитет Католической Церкви и нейтрализовать общественное возмущение многочисленными злоупотреблениями церковных служителей, ставших впоследствии одной из причин Реформации.

Опираясь на уверенность в том, что Собор Католической Церкви имеет право принимать решения, затрагивающие все сферы церковной и общественной жизни, император Сигизмунд I и другие влиятельные участники предлагали для обсуждения на Соборе некоторые вопросы, по своему происхождению имевшие не общецерковный, а локально-национальный характер и тесно связанные с конкретными историческими обстоятельствами начала XV в. Необходимость их обсуждения на Соборе была обусловлена тем, что вследствие сложного переплетения в них политических, церковных и теологических интересов различных партий эти вопросы оказывались неразрешимыми на уровне государств и церковных провинций. Принятые в этой связи постановления Констанцкого Собора и предварявшие их дискуссии в ряде случаев имеют важное историко-правовое значение.

***

Елена Юрьевна Калинина

Встречаясь со средневековыми образцами визуального искусства, современный зритель, будь он специалистом или обычным зрителем, вынужден одновременно включать большое число мыслительных процессов в рамках восприятия представленного художественного образа. Перед ним стоит задача реконструкции представленных символов, значение которых зачастую утеряно. Результат не всегда утешительный и удовлетворительный. Средневековое искусство часто воспринимается как «упадочное». Попытки трактовки идей средневекового человека — зрителя и мастера — становятся краеугольным камнем современного иконографического дискурса как в России, так и за рубежом, в том числе на родине этого художественного направления, в Испании. В результате сегодня мы можем получить поверхностное и искусственное приближение к комплексу чувств, эмоций, когнитивных основ восприятия, свойственного человеку XI–XIII вв. Ключа к представленным образам, который полностью давал бы возможность интерпретации образов, особенно образов бестиарных, на сегодняшний день не существует. Эти образы сейчас — лишь осколки исторической памяти, прорывающиеся в современность. Дело исследователей — собрать как можно больше причудливых образов, тщательно описать их, и, пользуясь инструментами, предоставляемыми современными научными методами, попытаться создать основу для целостной и относительно непротиворечивой расшифровки, которая пока что является делом будущего. Историком права необходимо ещё и связать имеющиеся образы с социальным мышлением, с причудливым отражением окружающего мира, в том числе политического и правового, в сознании авторов и зрителей средневекового романского искусства. В настоящем исследовании мы затронем, насколько это возможно, вопросы значения бестиарных образов и их положения в религиозном, политическом и правовом мышлении XI–XIII вв.

***

Сергей Федорович Веремеев

Заключение унии Киевской митрополии с Римом в конце XVI в. вызвало широкий общественный резонанс и привело к расколу внутри «Руськой» Церкви. Противостояние сторонников и противников унии проявлялось в разных формах, в том числе и в форме полемики, в которой каждая сторона приводила свои аргументы с целью обоснования собственной позиции. Среди этих аргументов заметное место занимала апелляция к каноническим нормам. Полемическая литература, появившаяся на белорусско-украинских землях как отклик на Брестскую церковную унию, ранее уже неоднократно оказывалась в фокусе внимания историков, однако вопрос о том, какие канонические аргументы приводили сторонники заключения унии с Римом в обоснование её легитимности и необходимости, насколько они были убедительными и какое место занимали среди иных аргументов (исторических и др.), практически не изучался. Между тем, изучение данного вопроса даёт возможность лучше понять позицию проуниатского лагеря, особенно с учётом того, что многие принадлежащие к нему полемисты являлись интеллектуалами, знавшими восточное и западное каноническое право, а также видными фигурами в истории униатской церкви конца XVI–XVII вв.

Анализ содержания униатской полемической литературы даёт основание сделать следующие выводы. Необходимость и правомерность заключения унии с Римской Церковью обосновывалась ссылками на решения Вселенских (при этом Вселенским считался и Флорентийский Собор 1439 г.) и Поместных Соборов. Организация, проведение и решения Брестского Собора противников унии 1596 г. трактовались как противоречащие церковным канонам. Значительное внимание на страницах полемических сочинений уделялось также обоснованию неканоничности епископских хиротоний, совершенных

Иерусалимским патриархом Феофаном в 1620 г. для той части духовенства и паствы «Руськой» Церкви, которая не приняла Брестскую унию. Униатские полемисты упрекали своих оппонентов в незнании канонов, хотя в действительности, как представляется, имело место различное понимание зачастую одних и тех же канонических норм.

***

Роман Юлианович Почекаев

Целью доклада является анализ сообщений средневековых летописных источников о поездках вассальных правителей на суд монгольских ханов в XIII–XIV вв. Вызванные ко двору своих сюзеренов, в ответ на предложения подданных уклониться от этих поездок они заявляли о намерении принести себя в жертву для спасения подданных. Используются следующие методы исследования: источниковедческий, сравнительно-исторический, историко-правовой, формально-юридический. Новизна заключается в том, что впервые специально проанализирован присутствующий в летописных рассказах мотив самопожертвования как основная причина выбора, сделанного вассальными правителями, несмотря на ожидаемую гибель, а также роль духовенства в осуществлении этого выбора. Рассмотрены сюжеты о поездках в Золотую Орду русских князей Михаила Всеволодовича Черниговского, Михаила Ярославича и Александра Михайловича Тверских, а также о поездке грузинского царя Деметре II ко двору ильхана Ирана. Автор приходит к выводу, что большинство проанализированных сюжетов очень близки содержательно, что свидетельствует о включении в летописные сообщения агиографических сюжетов. В глазах современников и потомков жертвенность вассальных правителей выглядела вполне убедительной причиной их выбора, хотя в реальности, делая его, они могли руководствоваться и иными соображениями.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147>, реализуемого в Воронежском государственном университете.

***

Андрей Юрьевич Митрофанов

Проблема влияния позднеимперского права на византийскую культуру представляется во многом ключевой как для адекватного понимания византийской цивилизации, так и для интерпретации византийского канонического наследия, положенного в основу корпуса церковного права Православной Церкви. Одним из наиболее репрезентативных памятников византийской литературы, иллюстрирующих влияние позднеимперского права на византийскую общественно-политическую мысль и культуру, является военно-энциклопедический трактат императора Льва VI Философа (886–912) «Тактика». Считается, что «Тактика» представляет собой один из наиболее ранних памятников т. н. македонского возрождения, составление которого датируется рубежом IX–X вв. И хотя столь выдающийся исследователь византийского права как Цахариз фон Лингенталь на склоне лет высказал предположение о том, что настоящим автором «Тактики» является император Лев III Исавр (717–741), прославившийся на ратном поле, но преданный забвению в пост-иконоборческий период как император-ересиарх, тем не менее, аргументированная критика этого предположения, предложенная Ю. А. Кулаковским, Г. В. Вернадским и другими специалистами, по-видимому, ставит точку в дискуссии и определяет именно Льва VI как наиболее вероятного автора «Тактики». В новейшей историографии «Тактика» часто становилась исследованием таких крупных византинистов как М. Я. Сюзюмов, Дж. Дэн, Дж. Хэлдон, В. В. Кучма, М. А. Морозов, К. Р. Капсалыкова и другие.

Исследование базируется на следующих тезисах:

1) «Тактика» безусловно занимает особое место в корпусе византийской полемологической литературы, ибо, продолжая традиции позднееримских и ранневизантийских полемологов Вегеция и Псевдо-Маврикия, она в значительной степени выходит за рамки жанра и предлагает читателю масштабную военно-теоретическую энциклопедию, в рамках которой чисто военные вопросы исследуются в сочетании с проблемами правового и общественно-политического характера. В частности, М. А. Морозов и К. Р. Капсалыкова обращали внимание на то, насколько важный и выразительный образ идеального военачальника — «стратига» создает автор «Тактики», опираясь при этом на широкое наследие как позднееримской, так и византийской правовой традиции. Можно с уверенностью говорить, что в «Тактике» нашли отражение не только социально-политические реалии фемного строя, сложившегося в Византии, по мнению Дж. Хэлдона, в своем классическом варианте только в начале IX в. при Никифоре I (802–811) и его соправителе и преемнике Ставракии (811), но также и правовые идеи, касающиеся определения войны и роли императора на войне. Эти идеи опирались как на императорское законодательство, восходящее к «Кодексу Юстиниана», к трактатам Вегеция и Псевдо-Маврикия, так и на «Закон воинский» императоров исаврийской династии Льва III (717–741) и Константина V (741–775).

2) Идея защиты мира и оборонительной войны как своеобразной нормы византийского права, сформулированная в «Тактике», вступала в известное противоречие с реалиями, описанными в трактатах предшественников Льва VI, в частности в «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия, представляющего собой, как доказал П. В. Шувалов, компиляцию, объединявшую поэтические сочинения о гуннах, написанные еще в V в., военный трактат Урбикия — военачальника времен Анастасия I (491–518), трактат Германа — кузена Юстиниана I (518–565) и, наконец, материал, составленный в эпоху Маврикия (582–602) и возможно, в начале правления Ираклия (610–641). Если Лев VI отстаивает в «Тактике» идею защиты мира и справедливой оборонительной войны, обоснованную христианскими авторитетами, то авторы «Стратегикона» следуют старинной римской правовой идее, восходящей к праву фециалов республиканского времени и оправдывающей любые формы военной экспансии Римского государства против т. н. «варваров».

3) Как доказал В. В. Кучма, «Тактика» стала наиболее полным византийским военно-теоретическим трактатом до Никифора Урана (военного теоретика рубежа X–XI вв.), в котором нашли отражение не только античные и ранневизантийские правовые идеи, но и византийская военная практика, современная времени составления трактата, т. е. периоду правления первых императоров македонской династии. С этой точки зрения не случайно, что «Тактика» повлияла на развитие правовой мысли Нового Времени и во многом определила характер военного законодательства, разработанного Петром Великим (1682–1725). В 1698 г. Петр приказал перевести «Тактику» на церковно-славянский язык, что было выполнено в 1700 г. И. Ф. Копиевским. Этот перевод учитывался Петром при подготовке «Артикула воинского с кратким толкованием», опубликованного по высочайшему повелению 26 апреля 1715 г. и ставшего первым военно-уголовным кодексом русской императорской армии, сохранявшего свое действие вплоть до реформ Д. А. Милютина (1816–1912). Данное обстоятельство предопределяет важнейшее значение «Тактики» как источника византийского права (преимущественно в области военного законодательства) для истории русской правовой культуры XVIII — первой половины XIX вв.

***

Диакон Сергей Сергеевич Кульпинов

Целью исследования является определение основных канонических идей Томского обновленческого «архиепископа» Сергия Павловича Дмитриевского (Дмитревского) и его роли в становлении взглядов на каноническое право Сибирской обновленческой церкви. Исследование актуально в силу необходимости понимания особенностей отношения к канонам в обновленческом расколе в целом и в сибирском обновленчестве в частности, и установления генезиса и особенностей позиции Сибирской обновленческой церкви по

вопросу канонов и канонического права. Отметим, что ранее проблема отношения обновленцев к канонам исследовалась крайне слабо, а особенности сибирской позиции по этому вопросу практически не рассматривались.

Совершенно определенно взгляд сибирских обновленцев на каноны начал формироваться уже на этапе становления обновленческого раскола в Сибири, а некоторые его аспекты имели предпосылки еще в дореволюционный период. Говоря о данном процессе, следует подчеркнуть, что становление сибирской обновленческой идеологии, в первую очередь, в смысле тотального внедрения семейного «епископата» осуществлялось без активного участия «архиепископа» Сергия. При этом к середине 1920-х гг. данный «архиерей» становится основным выразителем сибирского обновленческого взгляда на каноны. Основные темы его работ сводятся к апологии женатого «епископата» и второбрачия духовенства. Активно «архиепископ» Сергей критикует в этот период решения Трулльского Собора, доказывая его неканоничность. Работы «архиерея» публикуются как в сибирской церковной печати, так и в «Вестнике Священного Синода». Иными словами, во второй половине 1920-х гг. он становится главным представителем сибирских канонических взглядов на «всесоюзном» уровне. Апологию семейного «епископата» «архиепископ» Сергей продолжает и в первой половине 1930-х гг., несмотря на общее угасание обновленческой пропаганды.

***

Сергей Олегович Шаляпин

Проблема неопределенности сроков нахождения «подначальных» в русских монастырях периода позднего Средневековья хорошо известна, и традиционно увязывается правоведами с общей неопределенностью санкций, предусматривающих лишение свободы, в судебных актах и Соборном Уложении. Вместе с тем, специфика церковных наказаний, налагаемых по воле патриарха и епархиальных архиереев того времени, ярко прослеживается в широкой практике помилования монастырских «колодников» по их собственным челобитным, ходатайствам родственников и представителей власти, а, порой, и по личному милосердию архиерея. Таким образом, в церковных наказаниях более, чем в светской пенитенциарной системе, проявлялся принцип краткосрочности лишения свободы, рассматриваемый как достаточное условие принесения преступником покаяния. На основе анализа архивных документов нескольких северных монастырей в докладе будет раскрыта процедура принесения ходатайства о помиловании, его проверки церковными властями и принятия окончательного решения. Будет раскрыт не описанный до сих пор в литературе факт объявления серии помилований патриархом Никоном накануне оставления им патриаршего престола в 1658 г.

***

Михаил Александрович Несин

В древнерусских источниках почти не сохранилось ясных сведений о том, как и кем назначались архимандриты на Руси. Поэтому историки, к примеру, не сошлись во мнениях, кто назначил архимандритом игумена Свято-Успенского Киево-Печерского монастыря Поликарпа. По версии одних ученых, это решение принял кто-то из русских князей, а по мнению других — сам византийский патриарх Михаил. В то же время в немногих свидетельствах о назначении архимандритов на Руси в период с XII по XV вв. упоминается, что таковых назначал местный архиерей, или, по крайней мере, благословлял кандидата, принимая участие в его поставлении. Думается, что это не случайно. Такая практика соответствует 120-ой новелле императора Юстиниана I, согласно которой архимандритов имел право назначать местный епископ. Сохранившиеся известия дают основание полагать, что в отмеченный период на Руси это святительское право в целом соблюдалось.

***

Анастасия Александровна Зейферт

Доклад посвящен истории объявления анафемы в Вельске в 1909 г. Автор ставит перед собой задачи проанализировать взаимоотношения общества, Церкви и государства, роль приходского духовенства в жизни прихожан, а также продемонстрировать эвристические возможности делопроизводственных документов.

В качестве основных источников были использованы: архивное дело «По отношению Вологодского Губернского правления о желании крестьян Александра Малахова и Евдокии Суетиной, проживающих в г. Вельске перейти из православного вероисповедания в протестантское» 1908–1909 гг., сохранившееся в Вологодском архиве в фонде Вологодской консистории, и воспоминания сына Александра Малахова и Евдокии Суетиной — Александра Александровича Малахова «Воспоминание геолого-разведчика». Для реконструкции правового контекста были использованы Духовный Регламент, Устав Консисторий, Устав о предупреждении и пресечении преступлений.

В результате исследования сделаны выводы, что в рамках данной ситуации все инстанции (консистория, архиепископ, губернское правление, приходской священник) находились в состоянии противоречия и опирались в своих действиях, прежде всего, на свои интересы, к которым адаптировали существующие законы. Анафема, объявленная Малахову и Суетиной в 1909 г., не соответствовала ни церковным правилам, ни существующим государственным постановлениям, и архиепископ, объявляя ее, опирался на свое понимание этих документов. Социальные роли приходского священника как исполнителя от консистории и пастыря для своих прихожан противоречили друг другу.